

Dają jeszcze świadectwo dowodowi memu
Krakowskiego przesławne rostra Akademu,
Kiedy twoja w naukach dzielność tak jaśniała,
Ze od wszystkiego aplauz Akademu miała.

л. 19 (9) recto

Эти мотивы, следовательно, тут совершенно на месте, ибо в самом деле Варлаам Ясинский учился в Кракове и получил там степень доктора, а его панегирист черпал поэтический материал не только из книг, но имел за спиной годы обучения в иезуитских коллегиях и академиях Львова, Люблина, Познани, Вильно.

Так как два из названных тут сборников сравнительно недавно дождались по крайней мере предварительного описания,¹¹ обратим еще внимание на особенности последнего из четырех произведений, а именно на «Pełnia nieubuwającej chwały [...]».

Здесь, так же как раньше, имеем дело с обширной и сложной литературной композицией, отличающейся еще большей авторской расточительностью, гипертрофией формальных средств и их перевесом над содержанием. Семьдесят страниц текста заполняет цикл поэтических и прозаических панегириков, состоящий из целого ряда составных частей, добавлений, украшений и подробностей, словно перегруженная, шокирующая читателя своим изысканным внешним богатством композиция в стиле барокко. Стихотворения переплетаются с торжественными речами в прозе, латинский язык — с польским, эпические описания и лирические отступления — с цветистой речью, декламации — с молитвами.

Панегирик строится на замысле сопоставления личности адресата — Варлаама Ясинского с тремя «*primaе magnitudinis luminarum*», тремя святыми Варлаамами: отшельником, мучеником и святым из Печерской лавры. Это позволяет Яворскому провести множество сравнений и сопоставлений между этими лицами, которые поэт группирует в трех отдельных частях, демонстрируя при этом обширные литературные возможности, эрудицию и мастерство стихосложения.

Здесь особенно бросается в глаза великолепный польский язык как в прозе, так и в стихотворной речи, находящийся на уровне самых выдающихся достижений польской письменности XVII в. Вот наиболее характерный с точки зрения правильности, гладкости синтаксиса, макаронической лексики и образности стиля пример: «*Wprzód niżli na cerkiewnym niebie w słonecznym zajaśniała splendorze Ona, która jest wybrana jako słońce, przenajdostojniejsza Matka Boska, marszałkują onej w Jutrzenkowej jasności twoi trzej patronowie, święci Barlaamowie, jaśnie w Bogu przeoświecony pasterzu [...]. Tylko co ma wchodzić w Cerkiew świętą niby Sponsa ad Thalamum ona niebieska Ducha Świętego oblubienica, Przenajświętsza Panna, alic owe classicum wytrębuje hasło: Ecce sponsa, exite obviam illi. Cóż na to? Oto innym, jako niemądrym pannom serdeczne w oziębłym afekcie gasną kagańce, a twoi patronowie święci, patronie mój, patrz jaki na przywołanie tej niebieskiej oblubienicy przygotowali apartament: wychodzą in occursum onej z niegasnącymi i mroku żadnego nigdy nie znającymi luminarzami [...]*» (л. N recto).

Так же точно, притом с большим эпическим размахом, владеет Яворский стихотворной формой. В первой части, где припоминается история Варлаама-пустынника, содержащаяся в известной древнерусской «Повести о Варлааме и Иоасафе», наш автор прекрасным, регулярным тринадцатисложным размером, великолепно передающим при помощи смелых переносов ход плавного, с широким эпическим размахом повествования, рассказывает о рождении и дальнейшей судьбе сына короля Авенира:

¹¹ П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, стр. 916; особенно стр. 369—373; R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznanu, s. 369—373.